

П.С. Гуревич

"НАС ПРИМЕТ РАДОСТНО У ВХОДА..."

Гомбоева Л.В. Введение в западную философию свободы. Улан-Удэ, 2011. 412 с. (тираж 100 экз.)

Автор справедливо считает, что проблема свободы исследовалась западной, восточной, отечественной и другими философиями. Лао-Цзы и Будда широко признаны учителями человечества. Философские основания восточной мистики подтверждены современными научными открытиями в области квантовой механики. Русская философия свободы в учениях Ф. Достоевского, Н. Бердяева, И. Ильина, С. Франка и других отличается от других философий свободы поисками высокой духовности.

В этих рассуждениях Л.В. Гомбоевой — теоретическая программа учебника. Разумеется, свобода понимается предельно широко и не всегда позволяет автору оставаться в русле узкой области социальной и политической философии. Действительно, практически с самого зарождения западной философии проблема свободы была одной из центральных ее тем, и ею много достигнуто не только в теоретическом, но и практическом плане. На самом деле свобода — одна из ведущих ценностей европейской культуры. Первые философские постижения свободы находим в древних размышлениях о роке. Судьба — предопределенность событий и поступков, совокупность всего сущего, которое влияет и не может не влиять на бытие человека, народа. Древние греки создали культ судьбы и олицетворяли ее в виде Мойры, Тюхе, Ате, Хеймармене, Ананке, Антропоса. Эта высшая сила могла олицетворяться в образе природы или какого-нибудь божества.

Древний эллин, как подмечает В.С. Библер, внутренне, насущно покорен року, космической судьбе, справедливости. «Он обреченно (в этом его мужество) избывает предначертания судьбы, — предначертания, в которых на века, в смене десятков поколений предопределены рождения, и жизни, и смерти родов, племен, полисов. Эллин не может и не должен знать (это было бы преступлением) свою судьбу и тайный смысл своих поступков. Он должен честно сыграть свою роль в космической трагедии. Но одновременно и в то же отношении — древний эллин целиком, индивидуально

отвечает за космический рок, за его завязку и развязку. Это индивид, могущий и долженствующий — и по праву — судить самого себя; индивид, способный сосредоточить единожды, — в акме (от греч. акме — высшая степень чего-либо, цветущая сила — П.Г.) героического поступка (ослепление Эдипа, отречение от царства; или — огонь Прометей) — все прошлое и все будущее многих поколений¹. Это, по словам философа, индивид, полностью осознающий (в глубине души), провидящий (в глубине разума) космический роковой смысл своего невольного преступного (преступающего...) деяния, уже в самый момент его осуществления. В момент акме поступок Эдипа-царя (суд знающего правду) и поступок Эдипа-путника (невольное отцеубийство) совпадают. Это один поступок...

Проследуем за мыслью В.С. Библера. В трагедии «Эдип в Коломне» акме поступка разомкнуто. Оно растянуто в линейную траекторию «не мной задуманного рока». Эдип теперь чувствует себя неотвечественным за свои поступки, не знающим что совершает. Но в трагедии «Эдип-царь» полное приятие рока, своего места и роли в исполнении космически завязанной судьбы, и акме целостной индивидуальной ответственности за этот поступок, и тот и другой полюс нравственной перипетии не могут быть отторгнуты и вычеркнуты из (античной) нравственной архитектоники.

«Я должен отвечать за — не мной начатый, не мной завязанный — рок; я должен отвечать за поступок, мной — в полной мере сознания совершенный; за поступок, в котором я (индивид) завязываю и — способен развязать, избыть — роковые связки человеческих судеб. Но коль скоро это так, то мой поступок безвыходно трагедийен, и — как бы я не поступил — нарушение второго полюса данной коллизии, снова и снова делает меня виновным, вторгает меня в напряжение нравственных перипетий. Античный индивид нравственен толь-

¹ Библер В.С. Нравственность. Культура. Современность. Философское размышление о жизненных проблемах. М., 1988. С. 9.

ко в такой трагедийной перипетийности своего поступка»².

Катарсис — важнейший момент развития действия в античной трагедии, предполагавший эмоциональную разрядку. Трагедия — не простое описание печальных происшествий и страшных убийств. Не количество драм и не число гибелей рождает жанр. Герои трагедии ищут оправдания своим поступкам. В какой-то момент они попадают, казалось бы, в безысходную ситуацию, когда им приходится до конца осмысливать собственную судьбу, свой выбор, когда любое решение может стать катастрофическим. И герой побеждает ситуацию, однако, чаще всего — ценой собственной гибели. Но вот что странно. Герой античной трагедии погибал, а зрители, вытирая проступившие слезы жалости, расходились с просветленной душой и сердцем, готовые к самым тяжелым испытаниям. Так греки открыли великую тайну драматического действия, мистическое очищение души от грязи чувственности и телесности. Но они показали также, что рок и ощущение свободы связаны между собой парадоксальным образом.

Можно было бы полагать, что в данном издании речь пойдет только о свободе. Однако Л.В. Гомбоева расширила сферу изложения, включив в учебное пособие множество тем, которые относятся к теме весьма отдаленно. Характеристика всех типов философствования вряд ли уместны в учебном пособии «Западная философия свободы». Зато толкование самой структуры западной философии свободы вполне оправданно. В западной философии Л.В. Гомбоева выделяет философию социальной свободы, философию индивидуалистической свободы и философию духовной свободы. Философия социальной свободы, отмечает автор, исследует существующие типы и теоретические модели социальных устройств с целью появления лучшего общественного устройства и методов его достижения, если таковое возможно.

Что касается философии индивидуальной свободы, то в трактовке автора учебного пособия, она проповедует идеал неограниченной свободы. Индивидуалистическая философия провозглашает: «Будь независимым, живи в свое удовольствие. Не обращай внимания на социальные проблемы; равенство, несправедливость — в порядке вещей». Наконец, философия духовной свободы опирается на предположение, что наряду с эго-сознанием в человеке существует связанным с Богом, с космосом,

с универсумом, другими людьми духовный уровень сознания, или просто дух. «Индивидуалистическая и духовная свободы представляют две крайние позиции шкалы сознания. В философии нет единого представления о способности человека к духовному совершенствованию. Одни религиозные и философские учения утверждают, что человек рождается с врожденной склонностью к индивидуализму или духовности. Другие считают, что все зависит от среды и воспитания. Как бы то ни было, другого пути к развитию духовного уровня сознания, чем путь любви, не существует» (с. 15).

Свобода (греч. *eleutheria*, лат. *libertas*) — как политический лозунг сформировалось у греков в Афинах во время греко-персидских войн (V в. до н.э.) в противовес персидской деспотии. Понятие свободы занимало видное место в трудах Геродота. Платон рассматривал так называемый «парадокс свободы». Критикуя демократию и рассказывая о появлении тирана, Платон поднимает следующий вопрос: «Что если люди пожелаели отказаться от правления в пользу тирана? Платон предполагает, что свободный человек может использовать свою абсолютную свободу для попрашки сначала законов, а затем и самой свободы, потребовав власти тирана. Но основное значение выражения «быть свободным» в античности означало — «не быть рабом», иметь права гражданина, участвовать в управлении государственными делами, отстаивать свои интересы в судах.

Платон, размышлявший над проблемой «идеального государства», считали рабство естественным состоянием человечества. Анализируя эти мысли Платона, английский философ Карл Поппер замечает: «И это возможность не из области фантазии — такое случалось много раз. Всякий раз, когда это происходило, интеллектуальные позиции демократов, выбравших конечным основанием своего политического кредо принцип правления большинства или другой подобный принцип суверенитета, оказывались неустойчивыми. С одной стороны, принимаемый ими принцип требует, чтобы они противостояли любому правлению, кроме власти большинства, и, следовательно, выступили против новой тирании. С другой стороны, в соответствии с тем же принципом, им следует принимать любое решение, достигнутое большинством, т.е. поддерживать нового тирана. Противоречивость такой теории, конечно же, парализует их действия. Следовательно, те из нас, демократов, кто требует институционального контроля над правителями

² Там же.

со стороны тех, кем правят, в особенности требует права смещения правительства большинством голосов, должны основывать свои требования на более последовательной теории, чем теория суверенитета»

В философии после Аристотеля понятие свободы в основном сводилось к свободе воли. Аристотель считал добровольным (т.е. свободным) поступок, побудительный мотив которого находился в самом действующем лице («Никомахова этика»). Это понятие было развито стоиками в понятии «внутренняя свобода». Согласно стоикам, государственная власть распространяется лишь на внешнюю сторону действий человека, в то время как каждый человек остается внутренне свободным. Даже в оковах человек, в том числе и раб, мог быть свободен, упразднение рабства как института стоиками не выдвигалось.

Напомним, что в мифах собственное решение человека представляется в виде манифестации божественной воли. К примеру, Агамемнон упрекает Зевса и Мойру в том, что они несут ответственность за его вину. На первых этапах развития космологической философии проблема свободы воли не играет почти никакой роли. Положение изменяется с началом действия софистов и Сократа, обратившихся к познающему и изъявляющую свою волю человеку. Учение Сократа о зависимости воли от знания (добродетель тождественна знанию) переходит к Платону и Аристотелю. Особое значение проблема свободы воли приобретает в этически ориентированной эллинистической философии. Фатум стоиков не оставлял места для свободы воли. Эпикур, напротив, стремился обосновать возможность подлинного свободного решения путем введения гипотезы о случайном отклонении атомов.

Свобода — это возможность поступать как хочется. Свобода — это прежде всего свобода воли. Однако воля, как мы видим, всегда по своей сущности свободная воля. Трудность осмысления свободы в истории философии проявлялась в том, что многие мыслители старались вывести из сущности свободы долг человека. Они стремились или вообще не употреблять понятия свободы или определенным образом ограничить его. Но долг никогда не может вытекать из самой свободы, а только из этических соображений. Будучи не ограниченной по своей сущности, свобода как раз должна предполагать этику, чтобы сделать людей неограниченно ответственными за все, что они делают и позволяют делать другим.

В психологии реальность свободы обосновывается анализом оскорбительной для нормального человека характеристики его как «невменяемого», то есть как такого человека, который не может отвечать за последствия своих действий, так как он несвободен.

В истории развития понятия свободы образ творческой свободы постепенно вытесняет образ свободы от препятствий (принуждения, каузальности, судьбы). В древней философии (у Сократа и Платона) речь идет прежде всего о свободе и судьбе, затем о свободе от политического деспотизма (у Аристотеля и Эпикура) и о бедствиях человеческого существования (у Эпикура, стоиков, в неоплатонизме).

Античное представление о свободе рассмотрено Л.В. Гомбоевой обстоятельно. Хорошо написана глава и о Средневековье, но изложение здесь тоже перегружено массой не вполне уместных сюжетов. В средние века подразумевалась свобода от греха и проклятие церкви, причем возник разлад между нравственно требуемой свободой человека и требуемым религией всемогуществом Бога. Средневековое общество в отличие от современного характеризовалось отсутствием личной свободы. В раннем христианстве каждый был прикован к своей роли в социальном порядке. Человек почти не имел шансов переместиться социально — из одного класса в другой — и едва мог перемещаться даже географически, из города в город или из страны в страну. За немногими исключениями, он должен был оставаться там, где родился. Часто он даже не имел права одеваться как ему нравилось или есть что ему хотелось. Ремесленник был обязан продавать за определенную цену, а крестьянин — в определенном месте, на городском рынке. Член цеха не имел права передавать технические секреты своего производства кому бы то ни было за пределами цеха и был обязан допускать своих коллег по цеху к участию в каждой выгодной сделке по приобретению материалов. Личная, экономическая и общественная жизнь регламентировалась правилами и обязанностями, которые распространялись практически на все сферы деятельности.

Однако, как подмечает Э. Фромм, хотя человек не был свободен в современном смысле слова, он не был при этом ни одинок, ни изолирован. «Занимая определенное, неизменное и бесспорное место в социальном мире с самого момента рождения, человек был закреплён в какой-то структурированной общности; его жизнь была с самого начала наполнена смыслом, что не оставляло места сомнениям,

они и не возникали. Личность отождествлялась с ее ролью в обществе; это был крестьянин, ремесленник или рыцарь, но не индивид, который по своему выбору, занимается тем или иным делом»³. Оценивая феномен свободы в средневековом обществе, итальяно-немецкий философ Романо Гвардини пишет: «Дух и душа человека христианской культуры в сравнении с его античными собратьями богаче на одно измерение; его способность чувствовать, творчество сердца и энергия страдания — не от природной одаренности, а от общения с Христом. Отсюда и другое — большая свобода самоопределения как в отношении добра, так и в отношении зла. Христианство дало человеку такую возможность действия, при которой он, если был добр, то делался лучше язычника, если зол, то хуже его. Мысль Кьеркегора о том, что античный мир при всей его гениальности был в чем-то наивен и что настоящее совершеннолетие личности связано с христианством, без сомнения верна»⁴. В эпоху Возрождения и в последующий период под свободой понимали беспрепятственное всестороннее развитие личности. В эту эпоху зародился современный индивидуализм. Индивид освобождается от экономических и политических основ. Он приобретает и позитивную свободу — вместе с активной и независимой ролью, какую ему приходится играть в новой системе, — но при этом освобождается от связей, дававших ему чувство уверенности и принадлежности к какой-то общности. Он уже не может прожить жизнь в тесном мирке, центром которого был он сам; мир стал безграничным и угрожающим. Потеряв свое определенное место в этом мире, человек потерял и ответ на вопрос о смысле его жизни, и на него обрушились сомнения: кто он, что он, зачем он живет?

Средневековая церковь, как уже отмечалось, подчеркивала достоинство человека, свободу его воли, ценность его усилий; она утверждала богоподобие человека и его право быть уверенным в любви Бога. Люди ощущались как равные, как братья — уже в силу одного их подобия Богу. В позднем средневековье, в связи с развитием капитализма, поднималась волна неуверенности и замешательства, но в то же время все сильнее становились тенденции к признанию роли человеческой воли и человеческих усилий.

³ Фромм Э. Бегство от свободы // Фромм Э. Догмат о Христе. М., 1998. С. 212.

⁴ Гвардини Романо. Спаситель в мифе, откровении и политике // Философские науки. 1992. № 2. С. 145.

Говоря о философии свободы Нового времени, Л.В. Гомбоева излагает теорию идолов сознания. Но она никак не соотносится с проблематикой учебного пособия. Рассуждения Р. Декарта тоже не касаются свободы, если не иметь в виду небольшой материал о свободе мышления и воли. Зато критика учения Декарта дана неубедительно. Разве можно упрекать французского исследователя за то, что он рассматривал человека как существо рациональное? Допустимо ли в этом ключе противопоставлять Декарту Шопенгауэра и Ницше?

Само пособие затрагивает различные вопросы политической философии. Изложение то и дело бросает студентов в разные аспекты метафизического знания. Однако проделана весьма ответственная и значительная работа. Остается только порассуждать о том, чего нет в этой книге.

Смысловая подвижность идеи. Жизнь ежедневно и неотступно предлагает нам ситуацию выбора и властно требует от нас ответов. Искать желанную профессию или вместе с приятелем торговать в ларьке? Высказать собственное мнение или промолчать, будто так и надо? Довериться любимой или сразить ее жестокостью? Испытать радость общения на людном перекрестке жизни или «ощутить сиротство как блаженство»?

Скажи мне, какой ты сделал выбор, а я скажу, кто ты. Итак, будь свободен, поступай по собственному велению. Услышав такое, иной усмехнется: легко сказать... Разве кто-нибудь интересуется, что у меня на уме... Я, может быть, в институт не пошел бы, и книжки забросил. Только кто мне позволит?

Понятие свободы включает в себе подчас самое неожиданное содержание. Не случайно немецкий философ XX в. Эрнст Кассирер в работе «Техника современных политических мифов» оценивал данное слово как одно из наиболее туманных в двусмысленных не только в философии, но и в политике. Свидетельством смысловой «подвижности» и «неконкретности» понятия служит тот факт, что оно возникает, как правило, в разных сопоставлениях. В философии «свобода» обычно противостоит «необходимости», в этике — «ответственности», в политике — «порядку». Да и сама содержательная интерпретация слова «свобода» содержит в себе весьма различные оттенки. Свобода может отождествляться с полным своеволием, а может оцениваться как сознательное решение, тончайшее мотивирование человеческих поступков.

По мнению Фомы Аквинского, «свободу можно правильно определить следующим образом: свобо-

да есть отсутствие всяких препятствий к действию, поскольку они не содержатся в природе и во внутренних качествах действующего субъекта. Так, мы говорим, что вода свободно течет, или обладает свободой течь, по руслу реки, ибо в этом направлении для ее течения нет никаких препятствий; она не может свободно течь поперек русла реки, ибо берега препятствуют этому. И хотя вода не может подниматься вверх, никто никогда не говорит, что у нее нет свободы подниматься, потому что в данном случае препятствие заключается в самой природе воды и носит внутренний характер. Таким же образом мы говорим, что связанный человек не обладает свободой ходить, потому что препятствие заключается не в нем, а в его узах; но мы не можем говорить так о больном или увечном, потому что препятствие заключается в них самих».

Артур Шопенгауэр (1788-1860) считал, что для новейшей философии свобода — главная проблема. Свои размышления на данную тему он начал с определения данного понятия, которое представлялось ему отрицательным. Когда мы говорим о свободе, то фиксируем при этом те препятствия, которые нужно устранить ради нее. Если бы у меня были деньги, я купил бы видео... Если бы знаменитый режиссер увидел меня, я стала бы кинозвездой... Окажись у меня родственники во Франции, я бы... Был бы я столь талантлив...

Выясняется, что о свободе можно говорить только как о преодолении трудностей. Исчезла помеха, родилась свобода. Она всегда возникает как отрицание чего-то... Неожиданный подход, не правда ли? Свобода казалась таким безупречным понятием, кристально ясным. И вдруг обнаруживается, что определить свободу из самой себя крайне сложно, попросту невозможно. Для того чтобы приблизиться к ее пониманию, нужно указать на совсем иные, посторонние факторы. Они существенны, конкретны. Собственное же положительное содержание свободы, согласно Шопенгауэру, равно нулю.

Возьмем такой пример. Человек собирается поступать в институт. Нет ровно никаких препятствий к тому, чтобы он принял такое решение и осуществил его. Но воля его бездействует. Оказывается, есть нечто (угрозы, обещания, опасности), воздействующие на мотивы его поведения. Точно ли свободен такой человек, спросил бы А. Шопенгауэр.

Возможен ли свободный выбор? Свобода представляется многим чем-то самоочевидным...

Каждый человек, задумавшийся над своим предназначением, не сомневается в том, что при любых обстоятельствах способен возвыситься над самим собой и обстоятельствами. Все зависит от его духовных усилий, напряжения воли. Если он захочет, то свобода окажется его союзницей. Но так ли это?

Г. Гегель утверждал, что свобода сопряжена с необходимостью. «Свобода, которая не имела бы внутри себя никакой необходимости, и одна лишь необходимость без свободы — суть абстрактные и, следовательно, неистинные определения. Свобода существенно конкретна, вечным образом определена внутри себя и, следовательно, вместе с тем необходима».

Можно ли говорить о свободном выборе со стороны индивида, если, допустим, сторонники психоанализа доказывают, что поведение человека «запрограммировано» впечатлениями детства, вытесненными впечатлениями, подавленными вожелениями? Допустим, в младенческие годы какая-то девочка пережила сильную психологическую травму, которая оставила след в ее психике и оказывает воздействие на поведение теперь уже взрослого человека. Любой поступок, даже самый сокровенный и самый стихийный, если верить не-офрейдистам, можно предсказать, объяснить заранее, доказать его неотвратимость. Что же остается тогда от человеческой свободы?

Сегодня немало пишут и о том, что поведение человека весьма сильно зависит от господствующей культуры. Многие оказывают воздействие на наше сознание. Как же можно проявить собственную уникальность? Возможно, мы только полагаем, будто у нас есть идеалы. А на самом деле они взяты из наличной культуры, некритически восприняты нами. Как же рождается свобода?

Многие современные мыслители с большой тревогой пишут о таком феномене современной культуры, как индустрия сознания. Личность утрачивает свою самобытность, потому что господствующая культура, опираясь на мощные средства массовой коммуникации, буквально впечатывает в сознание человека те или иные мыслительные и нравственные стандарты.

Всегда, например, считалось, что предельная свобода индивида находит свое отражение в акте самоубийства. Человек настолько свободен, что может добровольно уйти из жизни. Этот поступок требует внутренней концентрации сил, отчаянной решимости, даже мужества, чтобы совершить последний шаг. Но вот религиозно настроенный

философ Габриэль Марсель пришел к выводу, что здесь не все так просто. В наши дни средства психологического нажима на личность столь изощренны, тонки, неуловимы и вместе с тем так действенны, что и этот акт вовсе не воплощает теперь свободной воли индивида.

Можно, например, по словам Г. Марселя, подтолкнуть к трагической грани человека, полного желания жить. Многочисленные сериалы с убийствами и насилием способны вызвать в человеке готовность расстаться с этим миром и даже внушить ему, будто он вынес приговор себе обдуманно, самостоятельно, без всякой подсказки. И напротив, изверившегося, отчаявшегося субъекта, задумавшего уйти из жизни, по словам Г. Марселя, нетрудно с помощью тех же манипулятивных приемов уверить в том, что такой поступок невозможен с моральной точки зрения. И в этом случае человеку будет казаться, что свое решение он принял без всякой подсказки, хотя на самом деле и здесь произошло насилие над его личностью.

Может быть, нам только мнится, что у нас есть свободная воля, а в конкретном поведении обнаруживаются лишь общепринятые стандарты? Не случайно психологи считают, что, воздействуя на подсознание человека, можно заставить выпрыгнуть его в окно... Если возможности манипулирования сознанием столь безграничны, то какой смысл толковать о свободных идеалах?

Самое поразительное, самое интересное состоит, пожалуй, в том, что у любого манипуляторского механизма есть пределы. Можно загипнотизировать человека и заставить его совершать всякие забавные поступки. Он будет рыть яму, играть с куклой, убирать мусор. И все это по внушению гипнотизера. Но вот парадокс: даже в гипнотическом состоянии человек не нарушит те нравственные устои, которые у него есть. Выходит, ценности — это какой-то глубинный, стабильный пласт нашей психики. Возможно, именно здесь, через выбор абсолютов, святынь, реализуется наша свобода.

Спрашивая «Свободен ли человек?», важно пояснить, о чем идет речь — о политическом положении или о внутреннем самоощущении. Человек, закованный в кандалы, крайне стеснен в своих поступках. Но его гордый дух, возможно, непреклонен. Известный писатель, который долгие годы провел в тюрьме, рассказывал, что они никогда не чувствовал себя таким внутренне независимым и свободным, как в камере. Парадокс? Однако согласимся: свобода — это состояние духа... Иному индивиду никто не

чинит препятствий, он волен распоряжаться собой. Однако вопреки счастливым обстоятельствам он добровольно закабляет себя.

Итак, свобода — это философское понятие, отражающее неотъемлемое право человека реализовать свою человеческую волю. Вне свободы человек не может реализовать богатство своего внутреннего мира и своих возможностей.

Многие мудрецы разных эпох размышляли о человеческой свободе. В прошлом веке было сделано множество поразительных теоретических открытий, которые заставили по-новому взглянуть на эту проблему. Социальные мыслители засвидетельствовали: прежде чем пользоваться свободой, надо получше осознать, что она представляет собой. В противном случае можно получить длительные и глубокие разрушительные последствия.

Издравле человека, стремившегося обрести свободу, казнили, подвергали изощренным пыткам, предавали проклятиям. Но никакие кары не могли погасить его свободолюбия. Сладкий миг свободы нередко оценивался дороже жизни... На алтарь свободы брошены бесчисленные жертвы. Так, может быть, история человечества и есть дорога к свободе, мучительный путь освобождения от оков?

Свобода — одна из неоспоримых общечеловеческих ценностей. Однако самые радикальные умы прошлого, выступавшие в защиту этой святыни, нередко обнаруживали робость и половинчатость в ее определении. Ратуя за свободу, они тем не менее полагали, что свобода не абсолютна. Предоставьте индивиду право распоряжаться собственной судьбой — и наступит век хаоса. Ведь в нем сильны инстинкты своеволия, разрушительности и эгоизма. Свобода, безусловно, хороша, но замечательно, когда человек добровольно подчиняется общей воле, сознательно умеряет собственные порывы...

Свобода духа. Концепция свободы является ключом ко всему творчеству русского философа Н.А. Бердяева. Его даже называли «философом свободы» или «пленником свободы». В основу своей философии положил не бытие, а свободу. Через феномен свободы он пытался осознать предназначение человека. По мнению Бердяева, свобода есть свобода духа. Поэтому иллюзорно, призрачно искание свободы в мире природном. Порядок свободы и порядок природы противостоят друг другу. «Свободу нужно обнаружить и показать в духовной жизни, в духовном опыте, ее нельзя доказать и вывести из природы вещей. Во всяком предмете, познаваемом нами как природа, свобода исчезает,

делается неуловимой. Всякая рационализация свободы есть ее умерщвление»⁵.

Свобода, по мнению Бердяева, коренится не в воле, а в духе, и освобождается человек не усилием отвлеченной воли, а усилием целостного сознания. В доказательствах свободы воли обычно заинтересованы были совсем не из пафоса свободы. В свободе воли нуждались для укрепления нравственной вменяемости и ответственности человека, для оправдания заслуг, связанных с добрыми делами, для обоснования наказаний в этом мире и мире загробном. Заинтересованность в существовании свободы воли была педагогически утилитарной, а не духовно-существенной.

Н.А. Бердяев считал, что вопрос о свободе совсем не есть вопрос о свободе воли в его натуралистически-психологической и педагогически-морализаторской постановке. Этот вопрос о первооснове бытия, о первооснове жизни. От свободы зависит само восприятие бытия, и свобода предшествует бытию. Свобода есть категория духовно-религиозная, а не натуралистически-метафизическая. Понимание свободы разделяет философские школы и религиозные учения. Во всей глубине и остроте поставлена проблема свободы духа у Достоевского.

Идея свободы центральна в христианстве. Без свободы непонятно ни миротворение, ни грехопадение, ни искупление. Без свободы нельзя, согласно Бердяеву, понять феномен веры. Бездонную тайну свободы сознавали лучшие мыслители. А. Бергсон писал, что все определения свободы делают ее рациональной, то есть ведут к исчезновению свободы. Нельзя выработать положительного логического понятия о свободе, для

которого тайна свободы стала бы вполне пронцаемой. Положительные определения свободы рационализируют ее и умерщвляют ее внутреннюю жизнь. Свобода, подмечает Бердяев, есть жизнь, жизнь же постижима лишь в опыте жизни, она неуловима в своей внутренней таинственности для категорий разума.

Бердяев считал, что не есть застывшая статическая категория. Свобода есть внутренняя динамика духа. Свобода есть иррациональная тайна бытия, тайна жизни и судьбы. Это не значит, что свобода совсем не может быть познаваема. Но пути познания свободы более сложны и несходны с теми путями, которыми идет натуралистическая метафизика, порождающая и учение о детерминизме и учение о свободе воли. Опровергнуть детерминизм рациональным путем почти невозможно. Вне христианства нет свободы, вне христианства детерминизм всегда одерживает победу.

Свобода духа не есть естественное состояние человека, как природного существа, так же как бессмертие не есть его естественное состояние. Свобода духа есть новое духовное рождение, раскрытие духовного человека. Свобода раскрывается лишь в духовном опыте, в духовной жизни. Источник свободы не в душе и тем менее в теле человека, не в природном существе человека, всегда подчиненном природной закономерности и со всех сторон ограниченном внешними определяющими силами, а в духе, в стяжении духовной жизни.

Можно поздравить нашу коллегу из Бурятии. Ее исследование представляет немалую ценность, а главное позволяет и дальше разрабатывать тему.

⁵ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 87.